

Ци Фэньюй сердито посмотрел на спину Хэ Цзинъи, но, обернувшись к Мо Сьюаню, снова сменил гнев на милость. Немного пошутив с ребёнком и услышав ласковое «Дядя Фэньюй», он, почувствовав нарастающее нетерпение во взгляде Мо Шаохэна, поспешно удалился.

Мо Шаньшань улыбнулась, подошла и похлопала Мо Сьюаня по спине:

— Малыш Сьюань, теперь доволен? Папа сегодня весь вечер будет с тобой. Разве у тебя нет ничего, что ты хотел показать папе? Беги, принеси, покажи ему.

Мо Сьюань замер на мгновение, а затем начал суетиться, пытаясь спуститься на пол:

— Папа, пусти меня.

Мо Шаохэн наклонился, поставил ребёнка на пол и, глядя, как тот весело бежит к столу, обернулся к Мо Шаньшань:

— В чём дело?

Мо Шаньшань улыбнулась:

— Сегодня, вернувшись из школы, Сьюань усердно тренировался писать. Он хотел написать больше иероглифов, чтобы показать тебе, когда ты вернёшься. Дядя, ты не был дома несколько дней, и он очень скучал по тебе. Сьюань даже хотел позвонить тебе, но не успел, а ты сегодня уже вернулся.

Мо Шаохэн кивнул:

— Да, с делами покончено.

Мо Сьюань, прижимая к груди тетрадь, семена подошёл к Мо Шаохэну, встал на цыпочки и сунул тетрадь ему в руки. Его личико сияло от возбуждения:

— Папа, это всё, что я написал сегодня. Посмотри, я хорошо написал?

Мо Шаохэн взял тетрадь и внимательно начал просматривать.

Мо Сьюань вдруг почувствовал лёгкое беспокойство, его маленькие сжатые ладошки побелели. Он боялся, что иероглифы вышли плохо, и папа расстроится. Он опустил голову, не решаясь посмотреть на лицо Мо Шаохэна, пока не почувствовал тёплое прикосновение к макушке. Тогда он робко поднял глаза.

— Очень хорошо! — Мо Шаохэн передал тетрадь Мо Шаньшань и, наклонившись, усадил Мо Сьюаня на диван.

Мо Шаньшань взяла тетрадь, села рядом с Мо Шаохэном и, наклонившись, с улыбкой потрепала Мо Сьюаня по голове:

— Теперь не переживай, смотри, ты даже брови нахмурил. Если будешь так хмуриться, станешь маленьким старичком...

— Я не маленький старичок, Шаньшань плохая! — смущённо спрятался Мо Сьюань в объятиях Мо Шаохэна.

Мо Шаньшань рассмеялась, немного подразнила ребёнка, а затем словно вспомнила о чём-то и

обратилась к Мо Шаохэну:

— Дядя, может, найдём Сьюаню репетитора? Я заметила, что он не очень интересуется рисованием, может, стоит попробовать что-то другое.

— Репетитора? — Мо Шаохэн нахмурился, посмотрел на Мо Сьюаня, который сидел у него на коленях, и в голове мелькнул образ человека, погружённого в игру на скрипке. Он задумался на мгновение, а затем сказал:

— Если Сьюаню не интересно рисование, давай попробуем что-то другое.

Мо Шаньшань вздохнула с облегчением. Талант, конечно, важен, но ещё важнее энтузиазм. Если что-то не нравится, не стоит заставлять. Сама она с детства любила рисовать и, несмотря на сопротивление семьи, выбрала этот путь и никогда не жалела.

Мо Шаньшань посмотрела на Мо Сьюаня, который смотрел на Мо Шаохэна с поднятой головой. Если бы ребёнок мог сам выбрать, это было бы идеально, но он ещё слишком мал, чтобы что-то понимать. Она взглянула на Мо Шаохэна: тот, хотя и очень любил Мо Сьюаня, был не слишком внимателен к таким мелочам.

Мо Шаньшань вздохнула и, взяв Мо Сьюаня за руку, осторожно спросила:

— Сьюань, тебе не нравится рисовать? Скажи Шаньшань правду, ладно?

Мо Сьюань замер, осторожно поднял глаза и первым делом посмотрел на Мо Шаохэна.

Мо Шаньшань повернула лицо ребёнка к себе и мягко сказала:

— Сьюань, хороший мальчик, просто скажи Шаньшань, правда ли тебе не нравится рисовать. Я обещаю, папа не рассердится, даже если ты не любишь рисовать. Просто расскажи, что ты чувствуешь, хорошо?

Мо Сьюань снова сжал ладошки, прикусил губу, словно всё ещё сомневаясь, и наконец тихо сказал:

— Сьюань глупый, плохо рисует. Как бы Шаньшань ни учила, у меня не получается... Папа, я глупый?

Мо Шаохэн нежно погладил ребёнка по щеке и глубоким голосом сказал:

— Ничего страшного, мы можем не учиться рисовать.

Мо Сьюань опустил голову. Многие дети в классе имеют таланты: одни хорошо рисуют, другие поют или танцуют, есть те, кто играет на скрипке или пианино. А он ничего не умеет. Он действительно глупый.

— О чём ты опять думаешь, маленький глупыш? — Мо Шаньшань, увидев, что Мо Сьюань вот-вот расплечется, почувствовала одновременно жалость и смех. — Ладно, Сьюань, если ты не хочешь учиться рисовать, не будем. Но скажи Шаньшань и папе, что тебе нравится?

Мо Сьюань тут же сдержал слёзы, широко раскрыл глаза и с любопытством посмотрел на Мо Шаньшань, наклонив голову набок, словно серьёзно задумавшись:

— Мм... В прошлый раз я видел по телевизору красивого брата, который играл на скрипке.

Могу я учиться играть на скрипке? В классе тоже есть дети, которые играют на скрипке. Я тоже хочу научиться.

Мо Шаохэн крепче обнял Мо Сьюаня, его голос стал немного хриплым:

— Ты хочешь учиться играть на скрипке?

Мо Сьюань энергично кивнул:

— Папа, можно?

Мо Шаохэн погладил его по голове:

— Хорошо, завтра я найду тебе учителя.

— Спасибо, папа, я буду стараться, — радостно улыбнулся Мо Сьюань.

Мо Шаньшань вдруг заинтересовалась, кто же был тот красивый брат, которого видел Мо Сьюань. Она редко позволяла ребёнку смотреть телевизор, только иногда включала мультфильмы, чтобы он расслабился, и спросила:

— Сьюань, ты знаешь, кто тот брат, который играл на скрипке?

Мо Сьюань на мгновение задумался, а затем вспомнил:

— Это брат из дома дедушки Тань. В прошлый раз по телевизору показывали, как он играет на скрипке. Дедушка Тань тоже говорил, что брат играет очень хорошо. Я тоже хочу научиться и стать таким же хорошим, как он.

Конечно, это был Тань Хуаньси. Мо Шаохэн несколько раз водил Мо Сьюаня в дом Тань, и она помнила, что в главном зале висел огромный портрет Тань Хуаньси, играющего на скрипке. Видимо, Мо Сьюань запомнил это, иначе не смог бы так ясно вспомнить человека, которого видел по телевизору.

Мо Шаньшань вдруг вспомнила утреннюю встречу с Тань Хуаньси. Его состояние тогда вызвало у неё беспокойство.

— Что случилось? — Мо Шаохэн заметил странность в поведении Мо Шаньшань и спросил.

Мо Шаньшань задумчиво сказала:

— Сегодня утром, когда мы с Сьюанем вышли после завтрака, мы встретили Тань Хуаньси. Он выглядел не очень хорошо. Его реакция на Сьюаня... Я даже не знаю, как описать. Это было похоже на то, что он был настолько взволнован, что потерял контроль, или, точнее, словно вернулось потерянное...

Мо Шаньшань говорила неуверенно, но Мо Шаохэн внимательно слушал. Странность, которую он каждый раз чувствовал при встрече с Тань Хуаньси, вновь возникла в памяти. Короткого общения хватило, чтобы понять характер Тань Хуаньси — это не тот человек, который легко проявляет свои чувства.

Мо Шаньшань покачала головой:

— Возможно, я просто преувеличиваю. Он недавно попал в аварию, может, просто плохо себя

почувствовал. Кстати, дядя, если Сьюань хочет учиться игре на скрипке, может, стоит спросить Тань Хуаньси, согласится ли он учить Сьюаня. Если его будет учить Тань Хуаньси, ребёнок обязательно добьётся успехов.

Мо Шаохэн посмотрел на Мо Сьюаня. Ребёнок смотрел на них, не перебивая и не проявляя нетерпения. Он вдруг почувствовал боль. Прошлый опыт сделал ребёнка более чувствительным, чем сверстники, и лишил его той открытости и жизнерадостности, которая должна быть у детей его возраста. Учителя уже не раз говорили, что ребёнок очень старается на уроках, но он слишком замкнут.

Мо Шаохэн знал, что учителя просто старались быть тактичными. Он лучше всех знал характер своего ребёнка. Мо Сьюань был открыт только с ними, а с другими членами семьи Мо и посторонними он не решался сказать лишнего слова, действуя по команде, но при этом легко пугался.

<http://bllate.org/book/16668/1528510>